

5 мая, суббота, середина дня
Северная Атлантика, южнее Пласентиа
Бэй, полуостров Ньюфаундленд

«Проныра» — массивная и с виду неуклюжая круизная яхта-траулер восьмидесяти футов в длину — неторопливо и солидно резала высоким форштевнем серо-зеленую океанскую воду, двигаясь параллельно канадскому берегу и находясь сейчас примерно на траверзе Ньюфаундленда, его самой восточной оконечности. Штурвал крутил сейчас я, а наш самый опытный мореплаватель — молоденькая голландская художница Хендрике, отзывающаяся преимущественно на краткую версию своего имени, звучащую как Дрика, — спала в каюте после восьмичасовой вахты. За подвахтенного у меня был ветеран вьетнамской войны и бывший водитель грузовика Сэм, на редкость бодрый и решительный старикан, присоединившийся к нам в Техасе. Сейчас он засел в машинном отделении судна, разбираясь в руководстве по эксплуатации судового дизеля. Ну и правильно, он тут один, дизель в смысле, и случись поломка — нам хана, без вариантов. Спасать нас никто не бросится, потому что никого не осталось. Умер весь мир вообще-то, вместе со всеми спасателями. А дизель «Проныры», со слов все того же Сэма, от дизеля грузовика отличался мало, так что должен он с этим железом совладать.

Пустота, кругом пустота. Но эта пустота спокойная, это не та мертвая страна, которую мы оставили позади, это просто океан, который мы неторопливо пересекаем со скоростью восемь узлов. Восемь узлов — восемь морских миль в час, совсем не быстро, это не на машине и не на самолете. Прикидочно получается, что нам в океане недели три болтаться. Даже и не знаю, хорошо это или плохо. Если погода будет такая, как сейчас, когда ветер гонит мелкую волну, а небо ясное до самого горизонта, то и хорошо,

пожалуй: отдых получается. Хороший такой отдых, сдобренный рыбалкой. Ни зомби вокруг, ни зомбированных мутантов, ни бандитов — вообще никого. Мелькнула было смешная мысль о пиратах, да кто теперь пиратствовать будет, если все судоходство замерло?

Видели мы, правда, несколько рыболовных траулеров вчера — видать, ньюфаундлендские рыбаки на промысел вышли, но они на нас внимания не обратили, равно как и мы на них. Заметили, да и все, у всех свои дела и свои пути, всем удачи.

Итак, восемь узлов. А между тем тысяча миль морских уже позади, уже пройдена, растаяла пенным следом за округлой кормой «Проныры». Топлива даже меньше трагитим, чем ожидали, — идем с теплым океанским течением Гольфстрим, которое несет нас почти что туда, куда нам и нужно. Такое дело очень радует, да и движемся с опережением графика, пока в пути всего пятеро суток. Это именно мы восемь узлов даем, а ведь у течения тоже своя скорость имеется.

Впереди, если все пойдет по плану, Амстердам. В Амстердаме нам надо высадить Дрику. Не просто высадить, естественно, а для начала узнать, где ее мать, к которой она едет. И что там вообще в Амстердаме делается, не превратился ли этот старый город на каналах в подобие покинутого нами недавно Нью-Йорка. Если город в норме и мать найдем — расстанемся. Если нет, о чем думать не хочется, — будем думать дальше. Придумаем что-нибудь, это дело понятное. Пока придумывали, по крайней мере.

Путь нашей лодки предварительно был проложен на британский Плимут, откуда мы намеревались свернуть в Ла-Манш, или Канал, как называют пролив англичане. Хотелось взглянуть с борта и на британский берег, и на французский, понять, во что вылилось нашествие мертвецов для Европы. Очень уж слабая надежда была на ее выживание, если откровенно. Тут и скученность, и невооруженность населения, и либеральные правительства, и маленькие слабые армии — все против них. Никакого просвета, если честно.

Вспоминалась маленькая Швейцария, где каждый военно-обязан и хранит дома автомат, но и этого, как мне кажется, совсем недостаточно. Что взять с населения страны, не воевавшей ни с кем сотни лет и всегда старавшейся держаться подальше от любой заварухи?

Не знаю, не знаю. Вот не верится в счастливый исход — и все тут. Впрочем, нам в Швейцарию точно не по пути. Берег французский, берег бельгийский, а следом за ним — голландский. Все, первый пункт нашего путешествия будет достигнут, можно радоваться.

Сэм... Сэм до сих пор не сказал о своих планах. Сойдет на берег в Голландии или пойдет дальше со мной, до самого Питера, — пока ни гу-гу. Ну я и не настаиваю: придет время — скажет. Может, он и сам пока не решил и присоединился к нам лишь потому, что ему было нечего делать.

Коту, прибавшемуся к нам еще в Аризоне, все равно, как мне кажется. Он спит сейчас прямо у меня за спиной, на диванчике, предназначенном для отдыха подвахтенного. При этом он меня сменять на посту не собирается, так что занимает его без всякого на то права — узурпировал, можно сказать. Но тут ничего не поделаешь, все их кошачье племя такое.

Топлива нам до Питера не хватит — там еще полторы тысячи миль ходу, маршрут извилистый, но подозреваю, что в Европе им можно будет где-нибудь разжиться, в каком-нибудь порту или марине — взять да и слить. Проходили мы уже это дело, разобрались, как надо действовать. А вот что там, в Питере... этого не знаю и представлять боюсь. На ум опять приходит недавно покинутый Нью-Йорк — гигантский мертвый город, разлагающийся, как труп, каким он, в сущности, и является.

В Питере флот. Если точнее, то в Кронштадте, но флот — это уже всерьез. Думаю, что Кронштадт отобьют и беспредельничать у берегов не дадут. Надеюсь на это, по крайней мере, — что мне еще остается. Есть еще Калининград неподалеку, как запасной вариант. А чем плохо? В любом случае если доберусь до русских берегов — дальше справлюсь. У меня и мотоцикл есть, эндуро, вон прямо рядом со

шлюпкой стоит, замотанный в пластиковый чехол, у меня и оружия полно, и патронов — всего с запасом. Разберусь. Или разберемся, это уже как сложится.

Надеешься на то, надеешься на это, и все эти надежды и есть единственный способ прогнозировать события. Нет телевидения, нет интернета, нет радио — ничего нет. Все наугад. И наугад, самое главное, то, за что я все время норовлю найти себе как можно больше проблем: семья. Где они? Что с ними? Все ли в порядке? Это то, что не дает нормально спать, что посылает плохие сны, что заставляет думать о чем угодно — лишь бы не думать о главном. Жена. Дети. В общем, те люди, что составляют сам смысл моей жизни, без них она лишена какой-либо мотивации. Нет их — зачем жить самому?

Но в моей надежде на лучшее нет ничего иррационального. У них был, как говорят американцы, *head start*, говоря по-нашему — фора. Они были за городом, когда пришла Беда, они были в крепком большом доме с запасами еды и воды, и самое главное — у них было оружие. Не мой нынешний арсенал, естественно, но два новых и добротных дробовика с несколькими сотнями патронов — на тот момент настоящее сокровище. А еще с ними был брат жены, Володя, человек большой, сильный, отслуживший и на диво оборотистый, у которого к тому же была на попечении беременная Настя, так что еще и стимул шевелиться. Позже я узнал — связь тогда еще была, — что ему удалось разжиться у военных, которые начали раздавать оружие на заправках вокруг Москвы, еще и ППШ¹, и двумя пистолетами ТТ, и целым цинком патронов. В общем, должны были устроиться в безопасности, на мой взгляд, тем более что в поселке — мы жили за городом — было еще немало людей.

А пока... а пока надо добраться до страны под названием Королевство Нидерландов — это задача-минимум. Туда мы и идем. Ползет отметка на карт-плоттере, рассечен прямой

---

¹ Пистолет-пулемет Шпагина.

линией нашего курса экран навигатора, радар «Фуруно» честно демонстрирует почти пустой экран — нет в океане никого настолько большого, чтобы обозначать себя метками. Пустота, как я уже сказал.

Сзади послышались шаги, в рубку вошел Сэм, на ходу вытирая руки полотенцем.

— А что ты здесь, а не наверху? — вроде как удивился он. — Погода прекрасная, да, сэр, загорал бы.

Над головой еще одна рубка, открытая — специально для тех, кто желает принимать солнечные ванны, так сказать. Называется «летучий мостик».

— Неохота, — покачал я головой. — Здесь кресла мягче.

Действительно, вдоль панели управления выстроились в ряд три невероятно удобных вращающихся кресла, обтянутых кожей сливочного цвета. Сядешь — и встать неохота. Наверху сиденья виниловые, жестче будут, нет такой благодати для седалища.

Сэм взглянул на часы, сказал:

— До вахты полтора часа еще, спиннинг заброшу.

— Ага, давай, — кивнул я. — Тунец хороший не помещал бы.

После «консервной и сухпайковой диеты», которой мы вынуждены были придерживаться во время нашего путешествия через Америку большинство времени, возможность ловить рыбу была прямо праздником как для души, так и для желудка. Первый выловленный тунец, большой, обтекаемый, толстый, одарил нас несколькими килограммами суховатого и плотного темно-красного мяса, превратившегося на сковородке в такие же плотные, только уже сероватые стейки, на удивление вкусные. Следующая попытка рыбачить почти сразу же завершилась следующим тунцом, а сейчас Сэм рассчитывал выловить уже третьего. Ну, удачи.

Оставив лодку на попечение автопилота, пошел на кухню, которую язык никак не поворачивался называть камбузом — очень уж шикарно она выглядела, у меня такой и в доме подмосковном не было, пожалуй. Налил воды в чайник, включил. Надо же, тут у нас опять все блага ци-

визации появились — и душ горячий, и электричество в сети, и даже кондиционер есть, который никто не включает, правда: и так свежо, — и топливо экономится.

Вот почему Москва не на берегу моря, да еще какого-нибудь теплого? Так бы туда и дошел, с комфортом и горячим душем. Ну и кондиционером, пусть и выключенным, разумеется. И жить вполне можно на борту «Проныры», причем очень неплохо жить. Интересно, люди где-нибудь пришли к идее селиться на борту, например, больших круизных судов? Там и генераторы большие, и кают много, и охранять от вторжения такое место легко. Ладно, увидим, чего сейчас гадать.

Москва — порт пяти морей. Ха-ха. Каналы, шлюзы — кто там кого теперь пропускать будет? Всю жизнь мечтал жить где-нибудь у моря, да так и не получилось. Может быть, все же теперь с семьей куда-нибудь в подобное место перебраться? А куда? В Питер? Так там непонятно что есть придется: места-то не слишком сельскохозяйственные, Поволжье этот самый Питер кроет как кит воблу с таких позиций. А позиция «пожрать» — она куда как сильная в любом планировании, базовая, можно сказать.

Ладно, все равно пока проблема в том, чтобы добраться. Доберусь — и видно будет, там придумаю.

Чайник быстро вскипел, щелкнув выключателем, кипяток тугой парящей струей полился в кружку, быстро окрашиваясь от болтавшегося там чайного пакетика. Две ложки бурого тростникового сахара — и можно обратно на мостик, смотреть на пустынный горизонт Атлантического океана.

10 мая, четверг, утро

Северная Атлантика, где-то в самой середине

Дни тянулись за днями, мили за милями, и ничего, абсолютно ничего не происходило. Даже пейзаж не менялся. Погода радовала до последнего дня. Легкий ветерок, к тому же еще и попутный, небольшая волна, которой даже не под

силу было сколь-нибудь заметно раскатать «Проныру», приглушенный гул дизеля — его уже перестали замечать. Все в штатном режиме. Даже режим вахт нарушился — мы обнаружили, что так жить скучновато, и менялись уже «творчески», выгадывая время так, чтобы можно было хотя бы всем вместе за стол сесть, пообщаться.

По ощущениям, как ни странно, это все напоминало отдых на даче, особенно после того, как я нашел в кухонном ящике газовый гриль и начал на нем жарить вполне пристойный шашлык из неизменного тунца — только он у нас и ловился почему-то.

Утро же четверга встретило нас не так ласково, как раньше. Ветер стал резче, холоднее, а горизонт к юго-востоку заметно потемнел.

— Похоже на шторм, — сказал Сэм, при этом не открыв мне ничего нового: я сам как раз об этом и думал.

— Похоже, — согласился я с ним. — Очень похоже. Что делаем?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Попробуем взять северней? К северу, да и прямо по курсу небо пока чистое.

— Давай, — вздохнул я, склонившись над карт-плоттером и внося поправки в курс. — Не думаю, что получится придумать что-то умнее.

Дрика, стоявшая рядом с нами, хоть и была самым опытным из всех мореплавателем, лишь качала головой. Ее опыт тоже измерялся несколькими поездками на яхте ее дяди, так что все мы представляли прекрасный образец дилетантов, взявшихся не за свое дело. Единственное, что я помнил про штормы, так то, что судно все время надо стараться держать носом к волне. Что делать, если волна идет с той стороны, куда тебе категорически не надо, я не знал. И похоже, что этого не знал никто из нас.

Несколько следующих часов прошли в тревожном ожидании. Горизонт темнел, становилось пасмурно, ветрено, волна пошла частая и резкая, с заметным плеском колотящаяся в скулу «Проныры». Стало прохладно, все натянули штормовки.

К середине дня стало ясно, что идея с отклонением от курса была не слишком продуктивной: шторм шел к нам по диагонали, зато очень широким фронтом, так что обойти, похоже, его никак не получалось. Надо было просто поворачивать назад, чтобы его избежать, но такую идею даже рассматривать никто не собирался. Да и догонит ведь наверняка.

— Значит, так, — сказал я, почесав в затылке, — надо закрепить все, что у нас не закреплено. Это я точно помню, из детских книг. А потом еще раз проверить, точно ли закреплено все, чтобы не обнаружить, что потом мотоцикл, скажем, нырнул в воду. Дрика, давай тогда ты на штурвал, а мы с Сэмом займемся осмотром хозяйства.

Авральные работы у нас прошли за час примерно, убрали и закрепили все, что могло стронуться с места. Затем собрались в рубке, куда перевели управление с «летучего мостика». В отличие от мостика, здесь было тепло и даже качало немного меньше — мы находились ниже. Захлопнулась дверь на палубу, окончательно отделив нас от непогоды. Вместе с тем ветер становился все резче, волна — выше, с гребней начало срывать брызги, попадающие на стекла, — приходилось включать стеклоочистители. Вставшая за штурвал Дрика сменила курс, развернув «Проныру» курсом к волне, — бортовая качка стала слишком чувствительна, а шторм даже еще не начался.

— От маршрута отклоняемся, — сокрушенно вздохнул Сэм, увидев, как на экране навигатора к синей линии курса добавилась еще и красная, тянувшаяся от стрелки, обозначающей положение судна. И красная отодвигалась от синей все дальше и дальше.

— Выбора нет, — сказала Дрика. — Это единственный курс, которым мы сейчас можем идти.

— И куда он нас ведет?

Я потыкал пальцами в стрелки масштабирования картплоттера, затем ответил Сэму:

— Куда-то на стык Испании и Португалии. Не так все страшно — места обитаемые, разберемся, что там к чему.

Он только хмыкнул в ответ, затем сказал:

— Хорошо, что вчера сообразили все топливо из бочек в танк перекачать. Похоже, расход у нас резко подскочит.

Темный край неба наводил меня на схожие мысли. Мало того что наш курс будет против волн и ветра, так он еще выйдет из течения Гольфстрима, скорость должна упасть сильно. Хорошо бы, до берега солярки хватило. Должно хватить. Надеюсь.

О том, что ждет нас впереди, думать не хотелось. Сводок погоды давно уже никто не передавал, и мы ни малейшего понятия не имели, что за шторм идет нам навстречу. А у «Проныры» был свой предел мореходным способностям, и если то, что нас ждет, в этот лимит не укладывается... можно даже не продолжать.

Было страшно, но как-то умеренно страшно, с примесью фатализма: чему быть — того уж точно не миновать. А глядишь, еще и миновать удастся. Весь наш поход слишком смахивает на авантюру — трудно удивляться очередной опасности.

10 мая, четверг, день

Северная Атлантика, где-то в самой середине

Килевая качка все усиливалась и усиливалась, но пока «Проныра» с ней справлялся. К счастью нашему, шторм, идущий с юго-востока, пока был умеренным. Будь мы на борту упущенного нами в Хьюстоне контейнеровоза «Алисия», например, мы его, возможно, особо и не ощущали бы, но наш восьмидесятифутовый траулер болтало изрядно. Он то с усилием карабкался на идущий навстречу пологий водяной холм, то срывался по его обратному склону вниз, скользя как большой неуклюжий серфер. В самой нижней точке его высокий форштевень выбивал целое облако брызг, летевших навстречу, в стекло рубки, по которому размеренно сновали туда-сюда длинные щетки.

Дрику сменил я, но она далеко не ушла — сидела в соседнем кресле, попивая минералку с лимонным соком. К сча-

стью, пока морская болезнь никого не одолела, и причина этого была понятна — никто не уходил в каюты, все смотрели вперед. Укачивает обычно того, кто не видит идущей навстречу волны и чей организм воспринимает каждый прыжок или провал как сюрприз, выжимая из вестибулярного аппарата все возможности. Не поможет такой способ — есть и другой: алкоголь в умеренных дозах. Так вроде нельзя, но, учитывая, что присматривать за нами некому, то по чуть-чуть даже можно. Если подопрет.

— Надолго это, интересно? — спросил Сэм, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Может быть, до самой Европы, — пожал я плечами. — Это же не ураган, как в Техасе, это просто непогода, а она бывает и по несколько дней подряд. Сам знаешь.

— Знаю, да, сэр, — мрачно согласился он.

— У нас так бывает недели по две или три, — добавила Дрика. — Дождь, ветер, хоть вообще из дома не выходи. Нормальная погода.

12 мая, суббота, день
Северная Атлантика

Шторм не успокаивался уже два дня и постепенно начал всех нас выматывать. Спать как-то толком не получалось — мешала качка, заявляла о себе морская болезнь, стоило только лечь. Даже алкоголь помогал временно, пока «доза работала». Отдыхали в креслах на мостике, сменяли друг друга у штурвала по просьбе «дать отдохнуть». Лица у всех бледные, под глазами синяки. Но как-то пока справлялись. Один кот почти никак не реагировал на качку, разве что удивительно много спал — даже для него сверх нормы, хотя обычно Тигр старался посвящать этому полезному занятию все свободное время, не занятое едой.

Волны катились навстречу большими, пугающими серо-зелеными холмами, брызгающими пеной со своих вершин. В небе ни единого просвета, сплошные тяжелые, цвета свинца, тучи, дождь поливает как из душа, навстречу,

превращая изображение в стекле рубки в подобие картины авангардного художника, всеми силами избегающего четких линий и очертаний, — все плывет, все размазывается, все теряет свою форму. И в голове подобная картина — называется утомление.

18 мая, пятница, день
Северная Атлантика

Больше недели непогоды добивало всех. Наш крошечный экипаж дошел до последней стадии вымотанности, но шторм все не утихал. Вместе с тем морская болезнь немного отступила — организм адаптировался, а дикая усталость вроде даже наладила сон. Опять назначили вахты так, как и положено, — циклически, вахтенный, подвахтенный, отдыхающий, — по четыре часа. Отдыхающий удалялся в нашу единственную неразгромленную каюту, а подвахтенный пытался уснуть на диване в рубке.

Радар упорно показывал отсутствие какого-либо движения в океане: ни судов, ни лодок — ничего. Пустота, только одни мы, пробирающиеся меж уверенно катящихся куда-то к северо-западу водяных валов. Наш курс упорно вел вдале от главной цели — входа в Ла-Манш, — мы шли навстречу волне и отворачивать не собирались. Нельзя нам было отворачивать: потонем к чертовой матери с нашими умениями.

Запасы топлива таяли предсказуемо быстро, все получилось именно так, как я и рассчитывал: непогода порушила все наши планы. Но это как раз расстраивало меньше всего — мы все равно приближались к Европе, а Европа — это такое место, где люди всегда жили очень плотно, и побережье тоже не пустовало. Найдем способ добраться туда, куда нам надо, — нам бы под ногами твердую землю ощутить, а уж потом... для твердой воли нет преград.

Хуже другое: оптимальный курс упирался в воронку Кадизского залива, и вот это напрягало. Направление волн давало нам некий простор для отклонения к югу, но тогда мы

упирались в Африку, и уж она нам нужна была меньше всего на свете. Отклоняться же к северу толком не получалось — мы разворачивались так, что волна била бы нам в правую скулу, и к чему это приведет... Мы хоть и на судне, а маневрируем как на плоту — нет у нас умений для большего, идем как несет, как получается. А получается в Кадизский залив.

24 мая, четверг, ночь
Средиземное море, побережье Андалусии

Волны в заливе короче океанских, какие-то резкие и суматошные. Задавленная было морская болезнь возродилась в нас всех с новой силой: амплитуда качки сменилась. Я принял волевое решение приступить к лечению алкоголем, и это предсказуемо помогло. Заодно и страх навалился, потому что, когда опустилась ночь, мы были у самого Гибралтарского пролива. И там на радаре впервые увидели как очертание берегов, так и большое судно. Судно пронеслось мимо нас, влекомое волнами, — немалых размеров сухогруз, лишенный экипажа, полузатопленный, с волнами, перекатывающимися через палубу: видать, сорвало откуда-то с рейда.

На нашем левом траверзе находился большой испанский порт Альхесирас, но зайти в него не смогли — как только волны стали бить в борт, качка усилилась настолько, что пришлось держаться за что попало, чтобы устоять на ногах. Мы были как человек, который никогда не видел льда и теперь, разогнавшись по гололеду, не мог повернуть туда, куда хотел, и был вынужден нестись прямо, надеясь остановиться где-нибудь и не упасть до этого момента. Наверное, бывалые моряки надорвали бы животы от смеха, наблюдая за нами, но мы бывалыми не были. Мы и моряками не были никогда, нам даже скромное звание дилетантов морского дела пока не грозило, и то, что мы вообще оказались в этом месте, можно отнести лишь на счет небывалого везения.

Но все же наша сверхосторожная тактика принесла свои плоды — после того как мы все же втолкнули себя в горловину пролива. Сразу же после Гибралтарской скалы с ее английской базой, с которой нас запросили по радио и которой мы просто не стали отвечать, утонувшей в ночи где-то на левом траверзе, волна пошла на убыль. Нет, штить вовсе не настал, было по-прежнему ветрено, но волны стали куда менее крутыми и высокими. Даже по сравнению с теми, через которые мы карабкались в океане, не говоря уже о заливе, где нас трепало, как цветок в проруби.

— Ты чувствуешь? — с затаенной радостью спросила Дрика, оглядываясь, хоть за стеклами рубки ничего не было видно. — Легче, да? Ты чувствуешь?

— Еще бы не чувствовать, — засмеялся я. — Кажется... боюсь сглазить, но, кажется, мы живем. И, кажется, мы дошли. Пусть в Испании, но мы все же в Европе, ты это понимаешь? Я буду двигаться к берегу, здесь вот сколько портов... — Я потыкал пальцем в экран. — Как раз к рассвету доберемся примерно в этот район. И к волне бортом поворачиваться не надо, разве что так... чуть-чуть.

Направление ветра и волн тоже сменилось на куда более выгодное для нас. Пусть «Проныру» еще качало, пусть из-под форштевня летели брызги, пусть вся наша информация об окружающем мире поступала с экрана радара и навигатора, потому что видно не было ничего — ни луны, ни звезд, — но мы были совсем близко от берега.

24 мая, четверг, утро
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

Сначала мы увидели очертания гор, поднимавшихся словно бы из воды, прямо из волн. Смесь сочной зелени и серых скал под серым дождливым небом. Тучи нависали прямо на вершины, запутавшись в них, как шерсть в репейниках. Постепенно они росли, затем показались очертания светлых домов на их склонах и берегу моря, а потом мы

увидели маяк. Небольшой такой, аккуратный, белый в красную полосу маяк — вход в гавань. В гавань, за высоким бетонным молом которой виднелись очертания надстроек и мачт больших яхт, а за ними — белые дома. Красиво было, кстати, до изумления, вид как с открытки.

Перекинув рукоятку управления двигателем на «полный ход», Дрика, стоявшая сейчас за штурвалом, направила «Проныру» в створ между волноломами, ограждающими порт от волн и непогоды. Волна раскачала траулер, ставший к ней боком, и в какой-то момент показалось, что нас несет прямо на бетонную стену, Дрика даже заныла испуганно, выкручивая штурвал, но справилась. И после того как судно вошло в длинный проход, качка резко прекратилась. Вообще. Совсем.

Раздался дружный выдох, затем все заорали, засвистели, запрыгали. Есть. Все. Берег. Конец мытарствам. Что бы ни ждало нас впереди, но переход через океан остался за спиной. Мы справились. Мы выжили. Мы живы. И мы доберемся туда, куда нам нужно.

Быстро теряя ход, «Проныра» зашел в марину, и я присвистнул, глянув на нее. Куда там нью-йоркскому «Яхт-клубу Линкольна», из которого мы угнали свой траулер. Тот яхт-клуб выглядел прибежищем нищелюбов по сравнению с открывшимся нам великолепием марины Пуэрто-Бануса. Да и меньше был намного.

— Ни хрена же себе, — только и сумел я сказать, глядя на ряд яхт, выстроившихся вдоль самого дальнего пирса.

Другие пирсы тоже были заполнены лодками далеко не сиротского калибра. Если в своем порту «Проныра» стоял в самом последнем ряду, с самыми большими лодками, гордясь превосходством, то здесь ему место было бы где-то в середине, скромненько так.

Набережная с магазинами вроде «Армани» и «Луи Виттон», между магазинами — рестораны, бары... За ними — дома с роскошными пентхаусами. Ряды «Мерседесов», «Бентли» и «Феррари» на набережной. А между ними — мертвецы, сидящие, стоящие, бродящие.

— Хорошее место было, похоже, — сказал Сэм задумчиво и добавил свое привычное: — Да, сэр.

Длинные причалы, уходящие в воду перпендикулярно набережной, к нашей радости, были закрыты с той стороны массивными решетчатыми воротами, поэтому на них мертвецов не было. И к самому торцу одного такого мы и причалили — медленно, аккуратно, до конца даже не веря в свое счастье, в то, что мы дошли до другого материка, лежащего по другую сторону океана. Эх, домой бы позвонить, а? Вот прямо сейчас, отсюда, с мобильного... «Дорогая, угадай, где я сейчас?»

— Швартоваться не надо пока, я думаю, — сказал вдруг Сэм.

— Почему? — удивилась Дрика, как раз примеривающаяся со швартовкой к торцу длинного пирса.

— Мы все устали, — ответил он после небольшой паузы. — Да, сэр, я подыхаю от усталости, я уже старый. Надо лечь спать. Всем. А если пришвартуемся, то всем лечь не получится — нужен будет пост. Мертвец без сходен на борт не заберется, а вот «суперу» запрыгнуть — никаких проблем.

Разумно. Сам я чувствовал себя так, что заснуть мог стоя. А сидеть в кресле я уже пару суток как опасался — уснул бы наверняка. Ноги гудели от постоянного стояния, ступни отекали, с трудом уместаясь в обуви. К счастью, проблема швартовки оказалась небольшой — спустили лодку на воду и отвезли на ней тросы швартов к двум соседним пирсам, как бы «растянув» траулер между ними: и устойчиво, и не подберешься — никакой мутант не допрыгнет.

После того как дизель «Проныры» замолчал, наступила невероятная, какая-то даже неестественная тишина. Тихий плеск воды о борт — и все. Даже чаек не слышно: непогода. Я спустился из рубки в салон, открыл бар, вытащил оттуда бутылку шампанского «Баланже» и бутылку «Абсолюта» — так сказать, «начать и кончить». Затем выставил бокалы и рюмки, какими богата была кухня, притащил мельхиоровое ведерко со льдом.

Выставил все на стол. Подошла Дрика, быстро накрывшая еще и немудрящий завтрак. Последним пришел Сэм, сел тяжело на диван, откинувшись.

Содрав фольгу и размотав проволоку, хлопнул пробкой. В воздухе запахло вином, «Баланже» с шипением устремилось в бокалы, вскипая шапками пены и быстро опадая. Подняв свой бокал, я сказал:

— Вот и все. Мы дошли до Европы. Не совсем туда, куда планировали, но это уже мелочи, туда мы доберемся. Мы пересекли океан, хотя по нашему умению мы никак пересечь его были не должны. Я всех нас поздравляю.

Зазвенел хрусталь, все что-то сказали. Потом выпили. В голове сразу зашумело, волна легкой радости прошла по всему телу. Шампанское приговорили быстро. Потом пили водку, по-русски, рюмками, без всякого льда, закусывая оливками из банок. Выдули всю бутылку, неожиданно здорово опьянев: сил не было сопротивляться алкоголю. Да и хотелось напиться — для того я водку и притащил. Напиться в хлам хотелось, если честно, так что мы еще сдержанно себя вели. А потом все разбрелись спать, поручив охранять нас коту. Последнее, что я услышал, погружаясь в сон как в омут, — стук капель дождя по фибергласовому потолку рубки.

25 мая, пятница, утро
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

— Не помню даже, когда мне в последний раз удавалось проспать ровно сутки.

Сэм искоса глянул на меня, усмехнулся, сказал:

— Не ты один. Я встал всего на час раньше тебя. А Дрика вообще решила не просыпаться.

— Пусть Тигр ее поцелует, — буркнул я, — принцессу спящую.

Я чувствовал себя переспавшим. Голова тяжелая, зевота раздирает челюсти, но при этом я все же отдохнул. Хорошо так отдохнул, по-настоящему, всерьез. Потер лицо руками

изо всех сил, стараясь «вернуться в кондицию», потряс головой, как лошадь, даже фыркнул, огляделся. Погода оставалась все той же — и не холодно совсем, но мокро и ветрено, и даже отсюда видно, как море штормит.

— Людей не видел? — спросил я.

— Нет, — покачал Сэм головой. — Одни мертвецы кругом. На нас слабо реагируют, разве что вон тот... — Он указал рукой на зомби, пытающегося трясти массивные ворота на входе на пирс.

— Тогда надо искать топливо, что еще остается, — пришел я к выводу. — Сколько там у нас осталось?

— Примерно на девятьсот миль, если погода будет хорошей, — ответил Сэм. — До Амстердама не хватит.

— А если на машине?

— Тогда хватит: у нас почти две тонны солярки, да, сэр. Только мне кажется, что здесь заправиться не так сложно. — Он кивнул в сторону бесконечных рядов белых яхт, почти сплошь моторных.

— Надеюсь, — суверенно-уклончиво сказал я, опасаясь радоваться заранее.

Конечно, путешествие морским путем было бы предпочтительней. Вдоль берега, не удаляясь, имея возможность почти в любой момент укрыться от непогоды — чем плохо? Куда удобней, чем прорываться через континент, на котором неизвестно что происходит. Хотя бы безопасный ночлег гарантирован.

С другой стороны... это ведь две недели как минимум. Еще две недели неизвестности, надежд, ожидания, нервов, дурных снов — так же рехнуться можно очень даже запросто. А на машине... сколько это? Ведь дня за три-четыре реально до Амстердама добраться. И две тонны солярки — это очень много, этого хватит, чтобы доехать на чем-то большим и тяжелом.

— Ладно, разбужу Дрику, и надо будет пошариться по лодкам, — сказал Сэм.

Я лишь кивнул, продолжая разглядывать берег. Мрачная картина: создается ощущение, что вообще вся земля вымер-

ла. Понимаю, что так не бывает, и это место было всегда дорогушим курортом, где много людей, много роскошной недвижимости, но все это было беззащитно против мертвецов. Люди просто не станут оставаться в таком замерзшем месте, отойдут куда-нибудь... да вон в горы отойдут, они тут вполне крутыми выглядят. В горах дорогу перекрыл — и дальше проход только скалолазам.

Нет, пожалуй, все же прав Сэм, неплохо было бы здесь с берегом не связываться. Со льдом солярку из брошенных лодок да и пойдем себе морем помаленьку. Пара недель терпения — и мы на месте, да еще разглядываем его с безопасного рейда, посмотрим, кто там вдоль каналов гуляет, живые или мертвые.

Ладно, с терпением все понятно, с нашим терпением. А как быть с терпением у тех, кто нас ждет? Тоже вопрос. На Дрику в последние дни уже смотреть страшно становится — она хоть и молчит, но уже извелась от ожидания.

Хотя сейчас у нее вид был еще почище моего. Мне показалось, что она вышла на мостик с закрытыми глазами. Ну с полукрытыми, в крайнем случае.

— Как ты? — спросил я ее.

— Проснуться не могу, — тихо пробурчала она и широко зевнула, прикрыв рот ладонями.

— Не ты одна. Ладно, готовим завтрак и займемся поиском топлива.

«Готовим» было сказано сильно — скорее следовало просто открыть консервы и упаковку сухих хлебцев, разве что включение чайника немного соответствовало термину. Зато времени много это все не занимало, и через пару минут все сидели за столом в салоне, жуя уже опостылевшие бутерброды и запивая их чаем. Лафа со свежими тунцами закончилась с приходом шторма.

— Кстати, здесь прямо в порту рыбы полно, — вдруг сказал Сэм, словно перехватив мои мысли. — Большая такая рыба, и много.

— А какая?

— Не пойму, — развел он руками. — Пока что-то не пойдем — не разберемся.

— Надо попробовать, — согласился я.

Лодку вчера наверх не поднимали, она так и стояла у борта «Проныры», притянутая тросом. Так что нам с Сэмом осталось только вооружиться и спуститься в нее. Дрика осталась на верхнем мостике, со снайперским «штайром»: прикрывать и вести наблюдение.

— Повнимательней, особенно когда мы будем по чужим лодкам лазить, — наставлял я ее. — Увидишь хоть что-то непонятное — сразу дай знать.

— Хорошо, — кивнула она, откидывая сошки винтовки и устанавливая ее на парапет, огибающий полукруглый диван «летучего мостика».

Я загнал патрон в патронник короткого автомата «Коммандо», поставил оружие на предохранитель. Сэм повторил мои действия и встал за штурвал «Зодиака». Отвязали швартов, затарахтел негромко подвесной мотор, и лодка плавно отвалила от борта траулера.

Так, начинать надо оттуда, где на борт легко забраться. Если идти к тем мегаяхтам, что выстроились в рядок дальше, то там сначала придется выбираться на пирс... который, кстати, ничем не защищен — они прямо к прогулочной набережной, променаду швартовались. А вот все остальные пирсы защищены, у них ворота есть на стыке с набережной. Или закрыть успели, или бардак здесь начался ночью и их вообще не открывали. Не то чтобы великая защита от зомби — иной мертвяк легко сообразит, как перелезть, — но стимула у них не было, наверное. Судя по перевернутым стульям в кафе и ресторанах, битым стеклам и разбросанным костям, тут все случилось достаточно неожиданно. Паника, суета, затем все умерли. Или убежали, надеюсь, потому что слишком много умерло в этом мире, хватит уже.

Лодка медленно подошла к причалу, втиснувшись между белыми большими яхтами, ткнулась в бетон надувным упругим бортом. Я быстро накинул трос на утку, подтянул.

Выбрались на пирс — и я тихо рассмеялся: было странно ощутить под ногами твердую землю вместо палубы. Тоже ведь приятное ощущение, отвык ведь начисто.

На набережной началось небольшое оживление: несколько мертвецов подошли к решетке, встали, уцепившись гнилыми руками в никелированные трубы, из которых она была сварена.

— Ты лучше на палубе постой, последи за ними, — сказал недовольно поморщившийся Сэм. — Найти танк я и сам сумею, ты там не нужен.

— Ты осторожней, тут где-то и дохлый хозяин может опиваться, — предупредил я его.

— Он бы вонял хоть немного, — ответил Сэм, вытаскивая из кобуры «Колыг». — Но за заботу спасибо — буду осторожен.

Стеклопакетные двери в салон не были заперты, Сэм вошел, остановившись на пороге на минуту, потом исчез из поля зрения.

Я топтался на палубе, стараясь одновременно смотреть во все стороны: из памяти еще не выветрился случай в яхт-клубе «Мальборо», что на реке Гудзон, где на меня напал и чуть не покусал зомби, на которого я напоролся при осмотре лодки, — только чудом отбился. С тех пор некая фобия образовалась, пожалуй, что и полезная. Сейчас любые фобии полезны, от них целее будешь.

Сэм вышел на палубу через минуту, явно очень недовольный, сказал:

— Откачали топливо.

— Может, закончилось? — предположил я.

— Не думаю: там явно кто-то слив вывинчивал, — с сомнением сказал он. — Ладно, глянем следующую лодку.

Все лодки в бухте нам осмотреть не удалось — их там были сотни, но в паре десятков, тех, которые мы все же посетили, горючего не было ни капли. Зато следы посещения их людьми становились все очевидней и очевидней. Здесь инструмент забытый, там шланг подрезали, где-то еще что-то. Говорить про заправку, разместившуюся на конце пир-

са, ограничивающего док для суперъяхт, вообще смысла не было — все люки открыты, ни капли топлива.

— Все украдено до нас, — сказал я вслух, после того как мы вернулись на «Проныру».

— Попробуем найти еще порт? — предположила Дрика. — Их здесь должно быть много. Мы с мамой сюда приезжали пару раз, летом, немножко помню. Можно на «Зодиак».

Я с сомнением посмотрел на стену волнолома. Затем сказал:

— Выходить в такую погоду нам все же не стоит: судьбу испытывать. Даже на «Проныре», а «Зодиак» наверняка не пройдет. Надо ждать, когда погода исправится.

— А потом? — спросил Сэм, стоявший с чашкой кофе в руке. — Если кто-то так тщательно прошелся по одной марине, то почему он не мог пройти и по остальным? Времени прошло много, да, сэр, успели бы все слить. Видно же, что приходили с моря и морем же уходили обратно. Так можно долго искать.

— А что предлагаешь? — обернулся я к нему.

— Пока не знаю, если честно, — ответил он. — Но если мы найдем хороший грузовик, то нам горючего хватит куда угодно. И мы доберемся намного быстрее.

— На лодке не так страшно, — откровенно сознался я. — К хорошему быстро привыкаешь. И после Амстердама на ней путь понятен.

— Если найдем топливо, то почему нет? — пожал плечами Сэм. — Но можем и не найти. Это не Техас, здесь больших нефтехранилищ быть не должно, как мне кажется, так что вполне могли слить все, до чего дотянулись.

— Да, пожалуй, — осталось согласиться мне. — Или засели там, где оно осталось, как в Техасе, к слову. Для начала надо искать машину. А заодно выяснить, как лучше прорываться на берег. Это все, — я кивнул на забитую мертвецами набережную марины, — совершенно не вдохновляет.

— Можно вывезти тебя куда-нибудь на лодке, когда погода исправится, — сказала Дрика.

Мысль разумная, да непохоже было, что погода намерена исправляться. Ветер, дождь, хотя и не холодно. Юг Испании, чего же вы хотите, тут до Африки рукой подать. Можно бы подождать, но... домой очень хочется. И расслабляться нельзя: сделаешь себе одну поблажку — и завтра сделать вторую станет куда легче. Нет, надо сразу начинать шевелиться. Хотя бы разведать окрестности — не думаю, что такая плотность мертвяков на квадратный метр и дальше тянется. Тут что-то другое... видать, местечко популярное раньше здесь было, вот и тянутся, или что другое.

— В общем, так, — сказал я, — надо чистить набережную. Сначала с мостика, с оптикой, потом... потом видно будет.

— А для чего? — спросила Дрика.

— На мотоцикле прокачусь. Посмотрю, что здесь и как.

— А мы?

— А вы здесь подождете. Только пару канистр с соляжкой на мотоцикл назад подвесим, на случай если что-то найду подходящее, а бак будет пустой.

25 мая, пятница, день
Спортивный порт в Пуэрто-Банусе

— М-да, — сказал я, откладывая заметно нагревшуюся М-16 с оптикой. — Они все же соображают.

— Все равно хорошо почистили, — сказал Сэм, оглядывая набережную, на которой появилось немало трупов, уже окончательно упокоенных. — Теперь надо быть аккуратным и очень быстрым. Не теряй времени и не теряй головы.

— Это понятно, — согласился я и пошел к шлюп-балке, под которой уже болтался мотоцикл — синяя «Ямаха ХТ-600», довольно уродливый с виду, но лихой и проходимый эндуро.

Дрика медленно-медленно подавала яхту к причалу, точнее, к набережной, от которой они отходили. Расстояние между последним пирсом, где выстроился «парад тщеславия» в виде самых больших яхт, и следующим было достаточным для маневра. Ну и, кроме всего, следовало при-

жаться бортом: спустить что-то с кормы шлюп-балка не могла — не хватило бы длины.

Кстати, мечты о том, что в бездонных танках суперъяхт осталось топливо, развеялись сразу, едва мы вошли в этот док. В борту каждой из них была грубо пробита немалого размера дыра, через которую, по всему виду, внутрь шланг и подавали. Не тащить же его по всем изгибам судовых коридоров! Кто-то слил все, до последней капли, не пропустив ни единой посуды. А пробивали, похоже, взрывчаткой, что тоже наводит на мысли о серьезном подходе к делу.

Со швартовкой справились легко, простор для маневра был, и, пока Сэм с Дрикой, вновь вооружившись винтовками, меня прикрывали, я спустил мотоцикл на асфальт, попутно задев капот темно-синего «Бентли», стоявшего наискосок.

Заранее прогретый мотор запустился с пол-оборота, и я, мысленно перекрестившись, толчком ноги воткнул первую передачу и тронул машину с места. Качнулись длинноходные амортизаторы, и я покатил по набережной, старательно объезжая трупы и мусор, которого здесь тоже хватало.

К счастью, выезд из порта нашелся сразу, совсем неподалеку. Я опасался, что придется ехать направо, по всей длиной и загроможденной набережной до дальнего ее конца, но на ближайшем углу, возле бара под навесом с перевернутыми стульями и огромными пятнами запекшейся крови на полу, обнаружился выезд из порта, прикрытый опущенным шлагбаумом. Похоже, что раньше всем подряд в этот порт ходу на машине не было — только тем, «кому положено», и даже пешеходная калитка была предусмотрительно прикрыта турникетом, чтобы не дать заезжать мотоциклистам.

Добротный такой желтый шлагбаум между двумя колонками, в одной переговорное устройство и прорезь, для того чтобы совать в нее пропуск. Пропуска у меня нет, да и колонка не работает. Сломать эту конструкцию с ходу у меня бы не получилось: выглядело все довольно капитально. Кроме того, это место никак в сектор обстрела с лодки не

попадало и было «нечищеным», так что не следовало и задерживаться.

Я огляделся. Улица, параллельная набережной, заваленная грязью, мусором и битыми стеклами, вела куда-то вдаль, и по ней ко мне как-то неторопливо, словно спросонья, но неумолимо, как сама смерть, уже приближалось несколько мертвяков. Я выматерился, рука непроизвольно скользнула к короткому «Коммандо», висящему на боку, но затем я заметил вполне нормального вида дорожку, идущую вдоль разбитой витрины ювелирного магазина, к тому же еще и выгоревшего изнутри. И эта самая дорожка вела к газону, по которому вполне можно было преодолеть препятствие. Мне осталось только сделать мертвякам ручкой и прибавить газу.

Мотоцикл взвыл в развороте на месте, легко вскарабкался на бордюр, я лишь толкнул руками рукоятки, сжимая переднюю подвеску, затем заднее колесо попыталось пробуксовать по мокрой траве, местами подросшей от нормального газонного размера, а местами уже и выгоревшей до желтизны, но я мотоцикл удержал. И через секунду соскочил на гладкий как стекло асфальт круглой площади с фонтаном посередине, окруженным со всех сторон домами — такими... пышными, иначе и не скажешь, что мне осталось только присвистнуть. Всякое видал, но тут место шибко богатое. Было.

Куда дальше? У нас ни карт, ни навигатора — вообще ничего для этих краев. И я тут раньше не бывал, не довелось. Два бульвара с пальмами посередине, оба засыпаны этими самыми пальмовыми листьями, бурыми и мокрыми, — на таких, кстати, поскользнуться на мотоцикле очень даже запросто. Аккуратненько надо, тем более что мертвяки видны. Не то чтобы толпа, но есть, есть, и активные такие, подвижные. Точно, это у них от погоды, еще в Техасе насмотрелись. Водный баланс организма восстанавливают. Шутка такая. А может, и не шутка? Почему бы и нет.

Так, один бульвар шире и ведет от берега, второй — вдоль берега, и он уже. Ну его, нечего на нем делать. Дал газ-

ку и покатил неторопливо по указателю «Нуэва Андалусия», без понятия, что это такое, — район местный, наверное.

Дома с цветными зеркальными стеклами, облицованные светлым камнем и украшенные зеленью, маркизами ресторанов и магазинов, витринами, тянулись с обеих сторон. Мертвецы, видать давно не знавшие здесь никакого движения, останавливались и провожали меня взглядами, но погнался только один, медленный и неуклюжий, и тот запутался в кустах и упал.

Еще круг, с него несколько дорог во все стороны. Если указателю верить, то, поехав прямо, попаду на какую-то трассу. Мне оно надо? Может, и надо: как-то не очень хочется по этому замертвяченному городку колесить, где наверняка ничего полезного не найдем. Хотя... как знать, как знать.

Решил все же прокатиться — разведка ближних подступов и все такое. Свернул с площади направо, поразившись, каким треском вернулось ко мне от стен эхо мотоциклетного мотора. Что значит место брошено — любой громкий звук пугает. Магазины, магазины, салон «Жак Дессанж», въезд на парковку... Огромный торговый центр с зеленой витиеватой надписью на стене «Эль КORTE Инглез» — «Английский двор», если по-нашему. За ним — «улитка» огромной многоэтажной парковки. Может, там пошариться? А что, и пошаримся, просто не сейчас.

Бары, ресторанчики, суши-бар, магазины, магазины, магазины... Зомби, разумеется. Машин мало, но подземных стоянок много — наверное, все там стоят, скрываются от штрафных талончиков за неправильную парковку. То, что вижу, — не вдохновляет. Нам бы грузовик хороший вроде «шишиги», а тут «Кайены» с «Рейнджроверами» сплошные, гламур, блин. Не пойдет, пусть на них вон... зомби катаются.

Опять торговый центр, и опять рестораны, рестораны, рестораны... явно здесь публика отдыхающая по вечерам гуляла. Круг с уродливой статуей, не пойми что изображающей — зомби какого-то в психическом припадке, — развязка под шоссе... ага, точно, хорошее место — вон дилер «Порше», затем БМВ, вон «Классические автомобили» с «Ягу-

арами» пятидесятих годов в витрине. Гулкий короткий туннель, в котором я чуть не перевернулся, налетев на валяющегося зомби, еле мотоцикл удержал, а затем уже дорога... не в ту сторону. Блин, я направо хотел, а в указателях запутался.

Но ничего, здесь разделительный барьер был с разрывами, так что развернулся почти что сразу. На шоссе — ни одного мертвяка, слава богу, разве что мусора и сюда нанесло уже. Листья, трава, все то же самое. Трасса уводит налево, а направо — указатель «Марбелья». Ну да, действительно хорошее место. Туда и проеду, пожалуй.

Странное ощущение, очень странное. В Америке к этому уже привык, а тут все вновь переживаю. Пустота, отсутствие людей, ощущаемое чуть ли не спинным мозгом, словно я всегда хотя бы человеческую ауру ощущал, а сейчас это чувство исчезло. Справа тянутся дорожные жилые комплексы и курорты, какие-то небольшие торговые центры, бутики, мебельные магазины и бесконечный парк. Красиво, очень дорого... и страшно. Страшно именно своей заброшенностью и ощущением того, что этими местами правит какая-то другая сила, беспредельно враждебная человеку.

Постепенно пригород сменился городом. Улица сузилась, зажалась, как река в ущелье, стенами домов. Пошли магазинчики попроще. Все уже заметно запущенное, с пыльными стеклами, много разбитых окон, в некоторых домах следы пожаров, особенно заметные и какие-то оскорбительные на белых стенах, каких здесь большинство.

Мертвяков почти не было — так, два-три в поле зрения, неактивных, валяющихся под стенами, хотя обглоданных костей на улицах хватало. Похоже, смерть здесь разгулялась по-настоящему: в той же Юме такого не было даже после окончательной гибели самого города. Юма умирала постепенно, по мере того как ее покидали люди, а здесь, как мне кажется, даже эвакуации толком не получилось. Много брошенных и битых машин, много... всяких нехороших признаков много. Автобус, почти перегородивший улицу, полицейская машина с открытыми дверями — си-

не-белый «Рено Сеник», в который врезался белый «Мерседес», промяв салон почти до самой середины, видны следы крови на лобовом стекле, пошедшем трещинами. Явно была именно паника. И была настоящая атака мертвецов. Растащенных по всей дороге костей полно, смрад от них ощущается даже тогда, когда мимо проносишься: здесь сам воздух гнилью пропитан. А вот следов стрельбы, которыми был богат город в Аризоне, пока я не видел. Ни гильз на асфальте, ни следов от пуль на стенах. Это не Аризона, штат вооруженных людей, здесь оружие отнюдь не у каждого второго.

Заправка, сгоревшая дотла. А прямо за ней сгорел магазин «Хонда», полный всякой техники. Обидно: хороший квад бы не помешал, пожалуй. А теперь там один металлолом почерневший.

А город пуст. Совсем пуст, под ноль, я это просто чувствую. Не могу объяснить как, но чувствую — и все тут. Мертвое это место. И очень плохое.

Сквер с выключенным фонтаном справа, трава, пожелтевшая на всех газонах. Здесь явно все за счет полива держалось — места ведь жаркие и сухие: это сейчас тут дождик, небось за весь год первый. Как поливать перестали, так все и сохнет, и это придает городу вид окончательно убитый. Брошено место, пусто осталось.

Треск мотора возвращается от стен, колотится эхом, где-то за сквером увидел мутанта, самого настоящего, но он за мной не погнался — видать, лень ему, или просто я слишком быстро проехал. А вот совсем быстро нельзя: это как по листопаду осенью уже, каток самый настоящий, навернуться — никаких проблем.

Дорога сузилась немного, потом стала шире. Мелькнула вывеска «Госпиталь Ю-Эс-Пи» над многоэтажным зданием, заставив заранее напрячься: помнится, чем стали больницы. Но ничего сверхужасного я не увидел, хотя мертвяков как раз на этом участке немного прибавилось.

Опять заправка, на этот раз с надписью, извещающей, что нет ни бензина, ни дизельного топлива. Ага, спасибо,

все понятно. За заправкой какой-то автосервис небольшой, при случае можно заглянуть, мало ли... только потом, если будет время и желание.

Странный памятник посреди фонтана, напоминающий носы затонувших кораблей, торчащие из воды. Что он на самом деле должен символизировать, я так и не понял, но выглядит уродливо. В фонтане плавают два частично обгрызенных и полуразложившихся трупа, мертвая плоть от долгого пребывания в воде приобрела цвет омерзительный, вонь стоит такая, что даже на улице морщишься. Да и вода теперь больше похожа на мерзкий гнилой бульон. Отвык опять же за время океанского перехода, надо привыкать. Разнежился, блин.

На улице мертвяков не было видно. По крайней мере, в поле зрения — черт его знает, что в укромных местах делается. Но притормозить и оглядеться возможность появилась, причем без особого опасения — просторно, все открыто, незаметно не подберешься.

По сторонам широкой улицы, тянувшейся дальше после фонтана, выстроились два ряда деревьев, отгородившие боковые дорожки. А вот за ними я увидел то, что очень заинтересовало: с обеих сторон на фасадах домов «магазинного вида» висели вывески с названиями автомобильных марок. Первой справа, например, виднелась «Тойота». Вообще таких вывесок справа было больше, они шли подряд, а слева — так, две или три, не больше. Поэтому я, недолго думая, тронул мотоцикл с места и вскарабкался на узкий газон, после чего спрыгнул с него на неширокий асфальтовый проезд.

В «Тойоте» меня ничто через витрину не заинтересовало. Если бы «Лендкрузер» там был, а так... И еще там, за стеклянной витриной, мертвяк ошивался. Подошел к стеклу и уставился на меня, возюкая грязными ладонями и оставляя мерзкие следы. Тьфу, гадость какая...

За «Тойотой» пристроился «Форд», с небольшой площадкой перед ним, уставленной распродажными «Фокусами», через пыльную же витрину вообще ничего не получалось

разглядеть, а слезать с мотоцикла пока было, откровенно говоря, боязно. А вот следующая надпись меня вдохновила намного больше — «Джип».

Ага.

А там что есть?

Витрина стеклянная, видно хорошо... ну ты гля, а? Прямо так и стоит, прямо в салоне, как будто так и надо.

Негромко рыкнув двигателем, мотоцикл вырулил на наклонный пандус и подкатил прямо к дверям. Открытым дверям. А потом я внутрь так на нем и заехал, восхищенно оглядываясь, и на меня никто не кинулся. Было пусто, разве что два маленьких офиса-скворечника у дальней стены плохо просматривались, но мы их сейчас проверим. Главное то, что здесь есть машины.

Вот «Гранд Чероки», черный и красивый. Неплохо вообще-то. У меня был «Гранд Чероки», правда, предшествующей модели, мне он нравился. Зря, кстати, врут, что он телом слаб и с проходимостью проблемы, — все у него хоть куда. Вот седан «Крайслер», большой и длинный, сверкающий хромом, нафиг не нужен. А вот это...

«Рэнглер». Темно-красного цвета, с мягким верхом. Да еще и четырехдверный: последний писк. Мягкий откидной верх, большие колеса в просторных арках, механическая коробка передач, все очень простенько внутри — классический пляжный вездеход в самой простенькой комплектации, и при этом еще размером с полноценный внедорожник, не то что трехдверная модель. И дизельный, вот что самое главное: мы же в Европе. Фаркопа только нет: к сожалению, их всегда дополнительно устанавливают, уже при продаже, по желанию.

— Офигеть, — честно выразил я свое мнение.

Если я его заведу — первая стадия добычи транспорта будет решена. На нем мы сможем ездить вдвоем с Сэмом, а тот уже заведет что угодно. На мотоцикле вдвоем среди мертвецов все же страшновато, да еще по скользкой дороге.

— Ну-ка, ну-ка... — сказал я, вытаскивая из кобуры «Зиг-Зауэр» с глушителем и взводя курок.

В правом «скворечнике» никого, в левом тоже. Везде порядок, белые столы, белые стены, разве что пыльно. Давно тут никто не убирался и уже не будет никогда. В той кабинке, что слева, на столе фотография — молодой улыбающийся парень с девушкой. Интересно, кто из них здесь работал? На столе пачка визиток в держателе. Выдернул одну, глянул — Иван Родригез, менеджер. Надо же, даже Иван... Он тут работал, не девушка.

— Так, Ванька, извини, мне тут пошариться надо, — сказал я, отодвигая верхний ящик стола.

Ну вот, даже шариться не пришлось. Коробка с ключами: какие от «Рэнглера», сразу видно — они простенькие, с серой головкой, а от «чирка» уже посолидней, с кнопочками. Тут же папочка с руководством, в кармашке папки — ключ от колесной секретки. Вот это хорошо, сам бы не вспомнил и даже не глянул.

Так, все нормально, но мотоцикл прямо в офис. И дверь прикрыть. Я его совсем бросать не намерен — заберем, пусть лучше припрятанным постоит. Но пока на джипе покатаемся, мне как-то спокойней на чем-то таком, большом и железном.

Сел, примерился, подогнал зеркала и сиденье. Все хорошо, все удобно, чудесный запах новой машины, который среди мертвого города ощущается совершенно нереально, вроде как сон или бред. Повернул ключ — джип завелся, резкий трескучий звук дизеля отразился от стен. Лампочка резерва топлива не загорелась, хотя до нее, судя по стрелке, было совсем недалеко. Ничего, у меня двадцать литров в канистрах, это, наверное, километров на двести. Ну чуть меньше, может быть.

Заглушил двигатель, вытащил воронку из рюкзака, неторопливо все перелил в бак из обеих канистр, забросив их в багажник. Все, можно ехать.

С обратной стороны стеклянной витрины стояла мертвая женщина, разглядывая меня. На стекло не бросалась, просто стояла, но я не заметил, как она подошла, и когда

встретился с ней взглядом, то испуганно выматерился, отскочив назад и хватаясь за автомат.

Расслабился, оболтус, обрадовался добыче. А она ведь могла не только снаружи оказаться — дверь ведь открыта, а я тут жалом вожу на радостях.

— Иди отсюда, нечисть, — выругался я сквозь зубы и добавил затем, чтобы вроде понятней было: — Fuera!¹

Ладно, валить отсюда надо, а то сейчас поналезут. Верить в то, что мой мотоциклетный прогон тут никого не разбудил, все же не стоит. Так... надо ведь еще и выехать отсюда, расслабился, блин. Типа сел и поехал. «Крайслер» дорогу перегораживает, надо двигать.

Опа. Только выбрался из «Рэнглера», как в салон зашел мертвяк. Невысокий мужичок, на обвисшем лице которого угадывались индейские черты, — из латиноамериканских мигрантов, видать, их тут много. Уставился на меня своими буркалами, чуть пригнулся, вроде как собираясь броситься, — и получил пулю в лоб. Это я успел выстрелить, разумно схватившись не за автомат, а за пистолет с глушителем. Хлопнуло на манер духовушки, у зомби только башка дернулась, брызнув гнильем.

— Вот так вот, не лезь, — сказал я наставительно, уже не убирая оружия в кобуру, а так и продолжая держать его двумя руками.

Опять пошел в офис к неизвестному Ивану, нашел в столе ключи от машины. Передвинуть ее на пару метров назад получилось быстро, больше «Крайслер» не мешал. Интересно, что бы я делал, если бы машины простояли здесь не пару месяцев, а пару лет? Пришлось бы еще и «прикуривать» каждую.

Так. Класс. А я и забыл: вдоль дороги, перекрывая съезд с пандуса, выстроились еще машины, с объявлениями о продаже на лобовом стекле. Хоть одну, но убирать придется. Или фиг с ним, попробовать толкнуть бампером — вон он какой мощный! Нет, не стоит. Видел я, как пытались так

---

¹ Убирайся! (*Исп.*)